

Ekaterina V. Sundueva

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS,
Ulan-Ude, Russia

Toponymic Space of the Written Monument *True Records of the Mongols of the Qing Empire*

Voprosy onomastiki, 2022, Vol. 19, Issue 2, pp. 164–176

DOI: 10.15826/vopr_onom.2022.19.2.021

Language of the article: Russian

Сундеева Екатерина Владимировна

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

Топонимическое пространство письменного памятника «Правдивые записи о монголах Цинской империи»

Вопросы ономастики. 2022. Т. 19. № 2. С. 164–176

DOI: 10.15826/vopr_onom.2022.19.2.021

Язык статьи: русский

Downloaded from: <http://onomastics.ru>

named after the first President
of Russia B.N.Yeltsin

ИНСТИТУТ
РУССКОГО
ЯЗЫКА
им. В. В. Виноградова
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

DOI 10.15826/vopr_onom.2022.19.2.021
УДК 811.512.3*04 + 811.581*04 +
+ 94(510“1644/1912” + 930.2:81’22 +
+ 81’373.21

Е. В. Сундуева
Институт монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия

ТОПОНИМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ПИСЬМЕННОГО ПАМЯТНИКА «ПРАВДИВЫЕ ЗАПИСИ О МОНГОЛАХ ЦИНСКОЙ ИМПЕРИИ»*

В статье рассматривается пласт монгольских географических названий XVII — начала XVIII в., представленный в письменном памятнике «Правдивые записи о монголах Цинской империи», изданном на старописьменном монгольском языке в шести томах в Хух-Хото (КНР) в 2013 г. Рассматриваемый памятник письменной культуры содержит колоссальный объем разноплановой информации и может быть использован для решения весьма широкого круга научных проблем: этнологических, культурологических, лингвистических, политических, социальных, религиоведческих. Изучение такого рода сочинений ценно тем, что они репрезентируют историю, особенности языка и литературной мысли, представления о мире народов прошлых эпох. Исследование семантики топонимических единиц показало, что в XVII — начале XVIII в. уже сложилась дошедшая до наших дней развитая система географических терминов, во многом обусловленная природными условиями местности. Особенностью топонимии того периода можно считать отсутствие меморативных имен, появившихся в Монголии в первой половине XX в. и отражающих новые взгляды на общественную жизнь. В структурном плане привлекает внимание почти полное отсутствие глагольных основ, в частности форм причастия настоящее-прошедшего времени и многократного причастия, способных выступать в роли определения и представленных в современной топонимии Монголии. Наблюдения над передачей монгольских сложных топонимов в китайском варианте

---

* Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности», № 121031000258-9).

© Сундуева Е. В., 2022

позволяют предположить, что полная их транскрипция указывает на устоявшийся характер топонимов, а использование маньчжурских географических терминов говорит об их факультативности. Топонимикон «Правдивых записей» содержит значимые культурные смыслы и коннотации, характерные для национального видения мира.

К л ю ч е в ы е с л о в а: старописьменный монгольский язык; китайский язык; Цинская империя; монголы; маньчжуры; топонимия; географический термин; семантика; номинация

Вводные замечания

Письменные памятники хранят важную информацию о состоянии языка того времени, когда они созданы, — о его морфологии, синтаксисе, лексике и ономастике. В историческом памятнике «*Dayiǐng ulus-un mongyul-un maγad qauli*» («Правдивые записи о монголах Цинской империи»), изданном в 2013 г. в шести томах на старописьменном монгольском языке, можно обнаружить богатый пласт топонимов XVII–XVIII вв. Данное собрание представляет собой выдержки из монгольского варианта объемного труда по истории Цинской империи «*Dayiǐng ulus-un maγad qauli*» («Правдивые записи о династии Цин»), касающиеся отношений между монголами и маньчжурами в ту эпоху. Первый том перевода на русский язык был издан в 2019 г., он включает сведения о царствовании первых трех правителей маньчжурской династии: Нурхаци (годы правления: 1616–1626), Хун-тайджи (1626–1643) и Фулиня (1643–1661) [Правдивые записи, 1]. Второй том увидел свет в конце 2020 г., в нем освещается первая половина царствования императора Канси (1661–1695), сидевшего на престоле 61 год [Правдивые записи, 2]. Третий том, охватывающий период правления императора Канси с 1696 по 1722 гг., вышел в 2021 г. [Правдивые записи, 3].

В процессе перевода нами использовался китайский вариант «Правдивых записей о монголах Цинской империи», изданный в Хух-Хото в 2002–2003 гг. [齐木德道尔吉, 2002; 2003a; 2003b], без которого прочтение онимов в тексте имело бы множество вариантов, поскольку в старописьменном монгольском языке гласные *a* и *e* передаются одной и той же графемой, как и согласные *d*, *t*. Так, личное имя *Тада* допускает восемь вариантов прочтения: *Тата*, *Тэтэ*, *Дада*, *Дэдэ*, *Тада*, *Тэдэ*, *Дата* и *Дэтэ*, в то время как китайский вариант достаточно ясно представляет звучание антропонима 塔达 *tǎ dá*.

В переводе сложные монгольские топонимы пишутся через дефис. Если второй компонент топонима представляет собой географический термин, то он пишется со строчной буквы (например, *Шира-тала* «Желтая степь», *Чаган-нагур* «Белое озеро»), если нет — с прописной буквы (например, *Ару-Шибартай* «Северный топкий», *Бага-Улаган* «Малый красный»). Сложные китайские топонимы пишутся слитно (*Губэйкоу*, *Цзиньшацзян*) — в соответствии с общепринятой системой транскрипции Палладия.

Что касается транскрибирования топонимов с интервокальным согласным *y/g* в китайском варианте, то его использование в тексте памятника не имеет устойчивого характера. В некоторых случаях он сохраняется, например: *Гэр-чилагун* (п.-монг. *ger čilayun*, кит. 格尔齐拉坤 *gé ěr qí lā kūn*), *Хан-Тэмур-дабаган* (п.-монг. *qan temür dabayan*, кит. 汗特木尔达巴汉 *hàn tè mù ěr dá bā hàn*). В других случаях отражается результат стяжения интервокального комплекса: *Баян-ниругу* (п.-монг. *bayan niruγu*, кит. 巴颜努鲁 *bā yán nǚ lǚ*), *Хэгэрэ-Улясутай* (п.-монг. *keger-e uliyasutai*, кит. 克勒乌里雅苏台 *kè lēi wū lǐ yǎ sū tái*).

Перевод памятника на русский язык позволил сотрудникам Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН на протяжении трех лет изучать историографию монголо-маньчжурских взаимоотношений в XVII–XVIII вв., правовые традиции монгольских народов и правовые основы управления Монголией, меры государственной поддержки буддизма, включенные речевые фольклорные жанры [Николаева, Отгонтуул, 2018], а также лексику материальной культуры монгольского языка в период с 1616 по 1722 гг. в рамках проекта РФФИ «История и культура монгольских народов в период правления императора Канси». Были также предприняты исследования антропонимии и этнонимии указанного произведения [Чимитдоржиева, 2018; Сундуева, 2020; 2021].

Место топонимии в тексте письменного памятника

Указатели географических названий включают 580 наименований в первом томе, 554 — во втором и 919 — в третьем. Итого это 2 053 топонима, за вычетом повторяющихся названий — 1 740. Из них 45 % занимают монгольские названия, 35 % — китайские; представлены также маньчжурские и в небольшом количестве тибетские, корейские и русские названия.

Большая часть топонимов встречается при описании высочайших выездов на охоту либо с целью инспектирования монгольских земель. Хроника фиксирует передвижения правителя, отмечая места его остановок на ночлег, а также людей, прибывших в тех местах с дарами на поклон. Например, в среднем осеннем месяце десятого года правления Канси (1671):

День черной коровы. Император остановился в местности Шалихэ. Прибыл поклониться хорчинский улус-ун тушэ-гун Тусхар.

День желтой овцы. Император сделал остановку в местности Яньтайхэ. Прибыли поклониться харачинский туру-ин дугурэн-цзюньван Бандарша и улус-ун тушэ-гун Удбала.

День белой обезьяны. Император расположился в местности Ляньшань. Прибыли поклониться тумэдский бэйсэ Гуму, а также тайджи и табунанги [Правдивые записи, 2, 73].

41 географическое название представлено в записи дня черной собаки среднего зимнего месяца восьмого года правления Хун-тайджи (1634), фиксирующей

установленные границы кочевий монгольских нойонов: «Граница кочевий оннигудов и багаринов должна проходить по местностям Хураху и Хухэ-буриду. Граница кочевий багаринов и синего с каймой знамени — Хэрие-хада и Худжир-адаг...», также здесь определены крайние точки территории [Правдивые записи, 1, 184]. В этом указе топонимы служат вспомогательным средством для определения границ.

О том, какое значение придавал император географическим названиям перед выступлением в поход, свидетельствует запись, сделанная в день черной курицы последнего летнего месяца 29-го года правления Канси (1690):

В тот же день император велел ванам и чиновникам совета подробно расспросить ныне прибывших халха о названиях местностей на Керулене, а также о расстояниях между ними [Правдивые записи, 2, 286].

В первом зимнем месяце 1638 г. в донесении из военного лагеря даются названия пяти проходов через Великую Китайскую стену с приведением их монгольских вариантов:

Китайское название ворот, через которые прошли наши войска, — Цянцзылин, монгольское название — Дагибула. Следующие к западу от Цянцзылина ворота по-китайски называются Хэйюйгуань, по-монгольски — Хэйхулун. Китайское название следующих к западу ворот — Цаоцзячжай, монгольское название — Хайлун. Китайское название следующих к западу ворот — Губэйкоу, монгольское название — Молтуши. Следующие к востоку от Цянцзылина ворота по-китайски называются Цянцзюньши, по-монгольски — Ушигэн. Китайское название следующих к востоку ворот — Хуанъякоу, монгольское — Джан. Китайское название следующих к востоку ворот — Маланьюй, монгольское — Малай [Правдивые записи, 1, 282].

В 1707 г. Канси отправил императорского телохранителя Раши разведать, где находится исток реки Хуанхэ. В докладе вернувшегося сановника представлено 32 топонима [Правдивые записи, 3, 206]. В день белой змеи среднего зимнего месяца 59-го года правления Канси (1720) в связи с покорением тибетских земель был издан указ об истоках не только Хуанхэ, но и таких крупных рек, как Хэйшуй, Цзиньшацзын и Ланьцанцзын. В указе говорится:

Меня с детства привлекает география. Я всегда стараюсь выяснить все о древних и современных названиях гор и рек даже с самых окраин, изучая топографические карты и расспрашивая об их значении на местном говоре. <...> Следует изучить то, как называют инородцы и китайцы горы и реки, выявляя сходства и различия в их названиях. Только в таком случае дойдет истина до последующих поколений [Правдивые записи, 3, 386].

Данный указ содержит 112 географических названий тех мест, в которых протекают названные реки. При этом объясняется:

Исток Хуанхэ находится к востоку от гор Хулгун, расположенных по ту сторону от заставы Синин, и представляет собой бесчисленное множество родников. Издалека они сияют подобно созвездию, поэтому монголы называют их Одун-гала [Правдивые записи, 3, 386].

Топоним п.-монг. *Odun tala* переводится как «Звездная равнина», его китайский вариант 星宿海 *xīng xiù hǎi* обладает схожей семантикой — «Море созвездий».

Здесь также даются переводы тибетских названий четырех гор, которые находятся в разных частях горной системы Гандиши (кит. 剛諦沙 *gāng dì shā*), располагающейся на юге Тибетского нагорья и идущей почти параллельно Гималаям: в восточной части *Дамджу-Хабаб* «Рот лошади», в южной части *Ланчиян-Хабаб* «Рот слона», в северной части *Сэнгэ-Хабаб* «Рот льва» и, наконец, в западной части *Мабгия-Хабаб* «Рот павлина». Примечательно, что в «Большом тибетско-китайском словаре» несколько иначе представлены направления местонахождения гор, где берут начало четыре священные реки Западного Тибета: на востоке *Langchen Khabub* «Рот слона» (исток реки Сатледж), на юге *Macha Khabub* «Рот павлина» (исток реки Карнали, притока Ганга), на западе *Tachok Khabub* «Рот лошади» (исток реки Брахмапутра) и на севере *Singgye Khabub* «Рот льва» (исток реки Инд) [Vod rgya tshig mdzod chen mo, 1993, 203]. Из четырех направлений совпадает лишь север. В данной микросистеме оронимов встречаются метафорические названия, представляющие собой одну из топонимических универсалий: кроме названных выше, ср. *Агта-ин-Чихи* «Ухо скакуна», *Тэмэгэн-у-Худжу* «Шея верблюда».

Об интересе императора Канси к географии говорит его диалог с канцлерами, записанный в день белого тигра среднего осеннего месяца 48-го года его правления (1709). Император спросил у канцлеров: «Известно ли вам, откуда берет начало горный хребет Цзешу в Шаньдуне?». Ли Гуанди ответил: «Пожалуй, он начинается в Шэньси и Хэнани». Император сказал: «Нет, горы Шаньдуна тянутся от мукденских гор Урту-Чаган-агула...». Ли Гуанди сказал: «Император полностью овладел знаниями, изложенными в основополагающих древних книгах». Император ответил: «[В сочинениях] говорится, что река Цзишуй (кит. 濟水 *jì shuǐ*) в трех местах текла под землей. На самом деле это касается не только Цзишуй. Многие реки в своих истоках текут под землей. Я спрашивал у монголов, они сказали, что в их книгах также отмечены реки Хэйшуй и Жошуй...» [Правдивые записи, 3, 250].

В день черного дракона первого осеннего месяца 27-го года правления Канси (1688) зафиксировано топонимическое предание, связанное с памятным событием, произошедшим в данном месте:

Император расположился у скалы Халбиха, которая прежде называлась Нахал. По форме она напоминает ступу, высота составляет более ста больших саженей. Когда император во главе военных и канцелярских чиновников стал стрелять вверх, несколько его стрел перелетело через вершину горы. Стрелы телохранителей Сэнгэ

и Нарашана достигли пика, остальные же не смогли достичь вершины. После этого император поменял название этой горы на Халбиха [Правдивые записи, 2, 257].

Новое название (п.-монг. *qalbiq-a*, кит. 喀尔必哈 *kā ěr bì hā*) восходит к маньч. *халбаха*¹ ‘шарик, головка на знаменном древке; гайка с винтом поверх кисти у шлема; середина — широкая часть острой стрелы; стрела с широким наконечником; горбатая часть плоской ложки’ [Захаров, 1875, 390].

В хронике также зафиксирован интересный пример вмешательства императора в естественно сложившуюся топонимическую систему. В день желтой мыши среднего осеннего месяца 41-го года правления Канси (1702) оннигудский туру-ин дугурэн-цзюньван Банди устроил пир, на котором император сказал: «Название места, в котором ты проживаешь, Ин-джаба — неблагоприятно. Поменяй его на Баян-Улджэту» [Правдивые записи, 3, 196]. Первоначальное название имело чисто описательный характер: п.-монг. *ing ĵaba*, кит. 营谷 *yíng gǔ*, где 营 *yíng* ‘военный лагерь, казарма’, п.-монг. *ĵaba*, кит. 谷 *gǔ* ‘ущелье’, т. е. «Ущелье, [в котором базируется] военный лагерь». Данное же правителем название стилистически более возвышенно: п.-монг. *bayan ülĵeyitü* «Богатый и благодатный», китайский вариант представляет собой кальку: 巴颜鄂尔寨图 *bā yán è ěr zhài tú*. Как отмечает И. А. Дамбуев, в процессах искусственной номинации, особенно идеологически направленной, топоним, помимо того что выполняет свои основные речевые функции, воспринимается как знак-символ [Дамбуев, 2017, 113]. Если имена-эпитеты давались с целью задобрить духов местности, то на основании данного топонимического предания реконструируется пожелательная интенция номинации.

Семантическая характеристика топонимов

Для основной части топонимов памятника характерны те же принципы номинации, что и для современного топонимикона (не только) монгольских народов. «Универсальность эта основана прежде всего на общности человеческого мышления, а также на единых путях эволюции именных систем» [Шулунова, 1995, 189]. Мотивы номинации географических объектов отражают такие их особенности, как:

- **р а з м е р:** *Бага-агула* «Малая гора», *Гун-нагур* «Глубокое озеро», *Ехэ-агула* «Большая гора», *Ундур-хошигу* «Высокий мыс», *Ургэн-гуу* «Широкая ложбина», *Урту-булаг* «Длинный родник»;

- **ц в е т:** *Алаг-агула* «Пестрая гора», *Улаган-нагур* «Красное озеро», *Харатохуй* «Черная излучина», *Хуа-толугай* «Рыжеватый холм», *Чаган-булаг* «Белый родник», *Чэгэн-гол* «Белая река», *Шира-буриду* «Желтое болотце»;

¹Здесь и далее маньчжурские лексемы приводятся по [Захаров, 1875].

- форма: *Дурбэлжин* «Квадратный», *Муруй-бэлчир* «Изогнутое место слияния рек», *Мушгия* «Скрученный», *Нарин-гол* «Узкая река», *Сагса-Тугуриг* «Густой круглый», *Сэрбэгэр-амасар* «Неровная падь», *Сэртэн* «Выдающийся, торчащий»;

- расположение в пространстве: *Байча-ин-джаба* «Ущелье утеса», *Джаха-булаг* «Крайний родник», *Джэсун-хундэй-джаба* «Ущелье восточной впадины», *Дэгэду-Хомурга* «Верхний круг», *Добуту-олум* «Брод у холма», *Майла-ин-гун-олум* «Глубокий брод у южного склона», *Тала-булаг* «Полевой родник», *Убэр-Хундулун* «Южный поперечный», *Хэгэрэ-джаба* «Степное ущелье»;

- растительный мир: *Бургасутай* «Ивовый», *Гичигэнэ* «Лапчатка гусиная», *Джамагту-нагур* «Тинистое озеро», *Джулгэту* «С луговой травой», *Нарасутай* «Сосновый», *Сухай* «Тамариск», *Тэрэлджи* «Багульник», *Тэс-гол* «Рябиновая река», *Улиясутай* «Осиновый», *Хайласутай* «Ильмовый», *Хилгана* «Ковыль», *Хулусутай* «Камышовый», *Чичиргана* «Облепиха», *Хагурай-Дэннэгустэй* «С сухими кочками»;

- животный мир: *Алаг-мориту* «С пегими лошадыми», *Ангирту* «С огалями», *Бага-Шилугусутай* «Малый с рысями», *Барс-хада* «Тигр-гора», *Бору-Унага* «Сивый жеребенок», *Бугуту* «Олений», *Гахайту-амасар* «Кабанья падь», *Гун-Галагутай* «Глубокое гусиное», *Джигасутай* «Рыбный», *Ёлу-хада* «Гриф-скала», *Начин* «Сокол», *Таулай* «Кролик», *Тэмэгэту* «С верблюдами», *Халигуту-гол* «Река с выдрами», *Хэрие-хошигу* «Вороний мыс», *Хэрэмтэй-джаба* «Беличье ущелье», *Хирса-булаг* «Корсак-родник», *Хонгур-Аджирга* «Буланный жеребец», *Чинуа-гол* «Волчья река», *Шира-нохай* «Рыжая собака»;

- особенности почвы: *Асгату* «С каменистой осыпью», *Билэгуту* «С точильным камнем», *Борулджи* «Солончак», *Мулсун-агула* «Ледяная гора», *Худжир-адаг* «Солончаковое устье», *Хурэмту* «Базальтовый», *Часуту-агула* «Снежная гора», *Чилагутай* «Каменистый», *Шибартай* «Глинистый», *Элэсудабеган* «Песчаный перевал», *Ганган-Сэтэрхэй* «Разорванный овраг»;

- свойства гидрообъектов: *Галджагу-мурэн* «Бурная река», *Ехэ-Тургэн-гол* «Большая быстрая река», *Номухан-гол* «Спокойная река»; *Дабасуту-нагур* «Соленое озеро», *Тунгалаг* «Прозрачный», *Хахир-гол* «Скудная река», *Хуйтэн-эхин* «Холодный источник», *Шинэ-булаг* «Новый ручей»;

- количество, неопределенное множество объектов: *Гурбан-Тулга* «Три подпорки», *Долуган-дабаган* «Семь перевалов», *Йисун-хабчил* «Девять ущелий», *Олан-элэсу* «Много песков», *Табин-Гэр* «Пятьдесят домов», *Табун-Ташигай* «Пять пологих», *Хояр-нагур* «Два озера»;

Некоторые названия отражают практическую деятельность, религиозную и обрядовую стороны жизни человека: *Бумбату-хабчил* «Ущелье с могильной насыпью», *Горуэгчин-у-гачаган* «Поселение охотников», *Дархан-агула* «Священная гора», *Эмэгэлчин-у-гачаган* «Поселение седельщиков».

В топонимическом материале памятника зафиксированы следующие мелиоративные эпитеты: *arbin* ‘изобильный’ (*Улджэйтү-Арбин-агула* «Благодатная изобильная гора»), *баян* ‘богатый’ (*Баян-агула* «Богатая гора», *Баян-джаба* «Богатое ущелье», *Баян-толугай* «Богатый холм» и пр.), *biyantu* ‘добродетельный’ (*Буянту-гол* «Добродетельная река»), *dügüireng* ‘полный, изобильный’ (*Дугурэн-хота* «Изобильный город»), *erdeni* ‘драгоценный’ (*Эрдэни-толугай* «Драгоценный холм»), *ögetür* ‘щедрый’ (*Огэмур-Бургасутай* «Щедрый ивовый»), *üljeyitü* ‘благодатный’ (*Улджэйтү-гол* «Благодатная река»).

Кроме того, в тексте памятника представлен ряд метафорических, образных названий — часть из них базируется на сравнении с бытовыми предметами и инструментами (*Алтан-Эмэгэл* «Золотое седло», *Сэнджитү-хада* «Скала с ушком», *Уран-Души* «Искусная наковальня», *Халбагату* «С ложкой» и др.), другие репрезентируют типичную для монголов антропоморфизацию пространства, т. е. основаны на сравнении с частями тела человека (*Агусхи* «Легкие», *Баян-Джирүхэ* «Богатое сердце», *Олүхуй-нагур* «Озеро в виде толстой кишки, дуговидное озеро», *Сэгүджи* «Бедро», *Урту-хабирга* «Длинное ребро», *Хүйсу-булаг* «Пуп-родник»).

Безусловно, в памятнике представлены топонимы с непрозрачной семантикой, которые могут быть этимологизированы на материале как монгольского, так и маньчжурского языка. Как отмечает В. Л. Васильев, топонимы, содержащиеся в памятниках письменности, подвергаются порой серьезным искажениям, сведения о них зачастую разрозненны и обрывочны, носят случайный характер [Васильев, 2005, 31]. В дальнейшем немаловажно рассмотрение данных топонимов в маньчжурском варианте памятника.

Структурная характеристика топонимов

28 % монгольских топонимов являются односоставными, возникшими в результате онимизации апеллятива, в частности географического термина: *Байча* «Скала», *Бэлчир* «Место слияния рек», *Гуу* «Ров», *Джүрүхэн* «Гора с заостренной вершиной», *Хамар* «Мыс», *Хүрхирэ* «Водопад», *Хэгэрэ* «Степь» и др. 90 % сложных топонимов представлены двухосновными названиями. Детерминатив выступает в качестве главного компонента 72 % сложных топонимов. Как видно из приведенных выше примеров, набор географических терминов в топонимии памятника совпадает с современным состоянием монгольской топонимии.

Вызывает интерес сравнение монгольских сложных топонимов с детерминативами и их переводов в китайском варианте памятника. Как отмечается в предисловии к изданию, при составлении «Правдивых записей» каждого императора создавался специальный приказ, в котором назначался сановник, осуществляющий общий надзор над составлением памятника. В приказе «Правдивых записей» было три отдела: маньчжурского письма, китайского письма и монгольского

письма. Просмотренный императором китайский (первоначальный) вариант служил основой для перевода на маньчжурский язык, последний, в свою очередь, переводился на монгольский. В составе отдела «Правдивых записей» на монгольском языке были такие подразделения, как сектор составления, сектор написания, сектор перевода, секция сверки, хранилище кистей и бумаги. В связи с такой обширной работой по созданию монгольского варианта «Правдивых записей» династии Цин» его нельзя считать простым переводом с маньчжурского языка [Dayičing ulus-un, 2013, 2, 5].

Во многих сложных топонимах в китайском варианте географический термин представляет собой кальку лексемы маньчжурского языка, а зависимый компонент — кальку монгольского слова. Название реки *Хорхуг-гол* (п.-монг. *qorquy youl*) выглядит как 和尔和克毕喇 *hé ěr hé kè bì lǎ*, где 毕喇 *bì lǎ* — от маньч. *бира* ‘река вообще (менее реки, называемой словом *ула*)’ [Захаров, 1875, 504]. Ср. также *Хурхирэ-гол* (п.-монг. *kürkir-e youl*, кит. 瑚尔希勒毕喇 *hú ěr xī lēi bì lǎ*), *Тургэн-иджар-гол* (п.-монг. *türgen ijar youl*, кит. 图尔根伊扎尔毕喇 *tú ěr gēn yī zhā ěr bì lǎ*), *Нухудай-гол* (п.-монг. *nuqudai youl*, кит. 弩湖岱毕喇 *nǚ hú dài bì lǎ*). Однако не во всех случаях термин п.-монг. *youl* ‘река’ заменяется на маньч. *бира*, он может транскрибироваться в виде кит. 郭尔 *guō ěr* (п.-монг. *narín youl* «Узкая река», кит. 纳林郭尔 *nà lín guō ěr*). Вероятно, в данном случае детерминатив *youl* прочно вошел в состав сложного гидронима, в то время как названия рек *Нухудай*, *Хорхуг*, *Хурхирэ* могли функционировать без него.

Примечательно использование маньчжурского гидрографического термина *ула* ‘река’ в монгольском тексте: *Qar-a müren Sungyari qoyar ula-yin ayuljar-un yaǰar-tur* «У места слияния двух рек, Амур и Сунгари» [Dayičing ulus-un, 2013, 498]. Скорее всего, это продиктовано географическим положением указанных рек.

В китайском варианте оронима *Ширга-морин-у-агула* «Гора соловых лошадей» (п.-монг. *sirq-a morin-u ayula*) 西尔哈莫林阿林 *xī ěr hā mò lín ā lín* географический термин 阿林 *ā lín* представляет собой кальку маньч. *алинь* ‘гора, горы, горный хребет’ [Захаров, 1875, 32]. Он также встречается в тексте памятника: 上于迤哈玛尔阿林行围 *shàng yú yī hā mǎ ěr ā lín xíng wéi* «Император охотился на горе Хамар» [Dayičin ulus-un, 2013, 518]. В ряде устоявшихся оронимов п.-монг. *ayula* транскрибируется как 敖拉 *áo lā*: *Бага-агула* (п.-монг. *bay-a ayula*, кит. 巴汉敖拉 *bā hàn áo lā*), *Ехэ-агула* (п.-монг. *yeke-ayula*, кит. 伊克敖拉 *yī kè áo lā*).

При переводе всех топонимов с термином п.-монг. *amasar* ‘горный проход’ он заменяется на маньч. *анга* ‘узкий проход, ущелье в горах, устье реки’ [Захаров, 1875, 16]: *Мунхэ-амасар* (п.-монг. *möngke amasar*, кит. 辟孟克昂 *mèng kè áng ā*), *Хайласутай-амасар* (п.-монг. *qayilasutai amasar*, кит. 海拉苏台昂阿 *hǎi lā sū tái áng ā*), *Хамар-амасар* (п.-монг. *qatar amasar*, кит. 哈玛尔昂阿 *hā mǎ ěr áng ā*) и др. Термин п.-монг. *qabar* ‘нос, мыс’ переводится как 鄂佛罗 *è fō luó* — от маньч. *офоро* ‘нос, мыс горы’ [Там же, 134]: *Нарасун-хабар* (п.-монг. *narasun qabur*, кит. 扎克旦鄂佛罗 *è fō luó*, где 扎克旦 *zhā kè dàn* от маньч. *чжакдань*

‘сосна; хвойное дерево вообще’), *Хада-хабур* (п.-монг. *qada-qabur*, кит. 哈达鄂佛罗 *hā dá è fō luó*) [Захаров, 1875, 961]).

Термин *ĵaba* ‘ущелье’ передается с помощью кит. 和洛 *hé luò* — от маньч. *холо* ‘широкая или узкая долина между двумя горами, овраг, буерак, ров’ [Захаров, 1875, 429], например *Айли-джаба* (п.-монг. *ayili ĵaba*, кит. 爱里和洛 *ài lǐ hé luò*), *Байча-ин-джаба* (п.-монг. *bayiča-yin ĵaba*, кит. 拜察和洛 *bài chá hé luò*), *Чила-гуту-джаба* (п.-монг. *čilayutu ĵaba*, кит. 齐老图和洛 *qí lǎo tú hé luò*). В топониме *Гиу-джаба* (п.-монг. *giu ĵaba*, кит. 鸞和洛 *jiù hé luò*) первый компонент транскрибирован с кит. 鸞 *jiù* ‘гриф, стервятник’.

Маньчжурский топоним *Илан-Мухальянь*, где маньч. *илан* ‘три’, *мухальянь* ‘ком, глыба, куча земли’ [Захаров, 1875, 902], передается в китайском языке в полной транскрипции: 宜兰穆哈连 *yí lán mù hā lián*, тогда как в монгольском варианте первая часть топонима переводится на монгольский язык: *Гурбан-Мухалиян*, где п.-монг. *γurban* ‘три’. Китайский вариант топонима *Табин-гэр* «Пятьдесят домов» (п.-монг. *tabin ger*) 苏赛包 *sū sài bāo* состоит из маньч. *сусай* ‘пятьдесят’ [Там же, 640] и кит. 包 *bāo* ‘юрта, жилище’. Полный перевод топонима на китайский язык наблюдается в *Гурбан-чунхурэг* «Три впадины» (п.-монг. *γurban čüngkereg*, кит. 三洼 *sān wā* «Три углубления»), *Долуган-нагур* «Семь озер» (п.-монг. *doluγan naγur*, кит. 七溪 *qī xī* «Семь ручьев»), *Халагун-усун* «Горячий источник» (п.-монг. *qalayun usun*, кит. 汤泉 *tāng quán* «Горячий ключ, термальный источник»).

Наблюдения над передачей монгольских сложных топонимов в китайском варианте позволяют предположить, что полная их транскрипция указывает на устоявшийся характер топонима, в то время как использование маньчжурского географического термина говорит о его факультативности.

Как видно, в образовании топонимов участвуют существительные, прилагательные и числительные. Из глагольных образований зафиксирована лишь одна форма причастия настоящего-будущего времени в топониме *Оргиху-булаг* «Бьющий родник», употребление которой в топонимии возможно благодаря ее способности выполнять функцию определения. По всей видимости, словообразовательная модель с указанным типом причастия стала продуктивнее в более позднее время — ср. современные географические названия Монголии *Дөрөө-Хавирах* «[Ущелье, в котором] стремна звенят», *Чоно-Харайх* «[Река, которую] волк перепрыгнет». В современной монгольской топонимии представлены и такие ойконимы, как *Бадрах* «[То, что будет] процветать, развиваться», *Бүрэнтогтох* «Всё установится», *Дэлгэрэх* «Распространяться», *Мандах* «Расцветать, расти», *Налайх* «Быть спокойным, добродушным», *Сайжрах* «Улучшаться», *Тувшруулэх* «Успокаивать, упорядочивать», представляющие собой результат топонимизации формы причастия настоящего-будущего времени. Они появились уже в XX в., и их можно отнести к футуронимам, идеологически насыщенным названиям, отражающим черты и тенденции новых взглядов на общественную жизнь [Суперанская, 1985, 42].

Заключение

Памятник письменной культуры «Правдивые записи о монголах Цинской империи» содержит уникальный материал, проливающий свет на истоки создания многих названий. Хотя топонимы и уступают антропонимам в количественном отношении, они занимают в памятнике важное место, фиксируя состояние топонимии монголов более чем трехсотлетней давности. Рассмотрение семантики и структуры топонимов памятника подтверждает общие закономерности топонимической системы монгольских народов. Изучение данного пласта лексики имеет не только историко-лексикологическую, но и историко-культурную значимость — как отражение развития духовной культуры монголов, истории социальных и экономических отношений в обществе, языковых, хозяйственных и культурных связей с маньчжурами и китайцами в XVII–XVIII вв.

Источники

- Захаров И.* Полный маньчжурско-русский словарь. СПб. : Тип. Имп. АН, 1875.
- Правдивые записи о монголах Цинской империи. Т. 1 : Правление Тайцзу, Тайцзуна и Шицзу ; Т. 2 : Правление Шэнцзу (1661–1695 гг.) ; Т. 3 : Правление Шэнцзу (1696–1722 гг.) / пер. со старописьм. монг. Е. В. Сундуевой. Иркутск : Отгиск, 2019–2021.
- Bod rgya tshig mdzod chen mo. Vol. 1 / transl. V. Loshchenkov. Pecin : Mi rigs dpe skrun khang, 1993.
- Dayičing ulus-un mongyul-un maγad qauli. Nigedüger emkitgel. Köke-qota : Öbür mongyul-un suryan kümüjil-ün keblel-ün qoriy-a, 2013.
- 齐木德道尔吉, 巴根那. 清朝太祖太宗世祖朝实录蒙古史史料抄 呼和浩特 : 内蒙古大学出版社, 2002.
- 齐木德道尔吉, 黑龙, 宝山, 哈斯巴根, 任爱君. 清朝圣祖朝实录蒙古史史料抄 (上) 。呼和浩特 : 内蒙古大学出版社, 2003a. P. 3–842.
- 齐木德道尔吉, 黑龙, 宝山, 哈斯巴根, 任爱君. 清朝圣祖朝实录蒙古史史料抄 (下) 。呼和浩特 : 内蒙古大学出版社, 2003a. P. 843–1399.

Исследования

- Васильев В. Л.* Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования). Великий Новгород : Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2005.
- Дамбуев И. А.* Эволюция концепции топонима в России в XVII–XIX вв. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 1. С. 113–116.
- Николаева Н. Н., Отгонтуул Т.* Орнитоморфная символика в летописных памятниках монголов и произведении «Правдивые записи о монголах Цинской империи» (Dayičing ulus-un mongyul-un maγad qauli) // Культура Центральной Азии: письменные источники. 2018. № 11 (2). С. 107–124.
- Сундуева Е. В.* Сочетаемость монгольских антропонимов в письменном памятнике «Правдивые записи о монголах Цинской империи» // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. «Язык. Литература. Культура». 2020. Вып. 2. С. 12–16.
- Сундуева Е. В.* Особенности антропонимии в тексте памятника «Правдивые записи о монголах Цинской империи» // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2021. № 3 (43). С. 68–73.
- Суперанская А. В.* Что такое топонимика? М. : Наука, 1985.

Чимитдоржиева Г. Н. Обзор некоторых маньчжурских этнонимов в памятнике «Правдивые записи о монголах Цинской империи» // Культура Центральной Азии: письменные источники. 2018. № 11 (2). С. 125–137.

Шулунова Л. В. Ономастика Прибайкалья. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1995.

Рукопись поступила в редакцию 04.10.2021

СОКРАЩЕНИЯ

кит.	китайский язык
маньч.	маньчжурский язык
п.-монг.	старописьменный монгольский язык

* * *

Сундужева Екатерина Владимировна
 доктор филологических наук, главный
 научный сотрудник отдела языкознания
 Институт монголоведения, буддологии
 и тибетологии СО РАН
 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
 E-mail: sundueva@mail.ru

Sundueva, Ekaterina Vladimirovna
 DrHab, Chief Research Fellow
 Department of Linguistics
 Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan
 Studies of the Siberian Branch of the RAS
 6, Sakhianova Str.,
 670047 Ulan-Ude, Russia
 Email: sundueva@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2299-3384>

Ekaterina V. Sundueva

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
 of the Siberian Branch of the RAS
 Ulan-Ude, Russia

TOPONYMIC SPACE OF THE WRITTEN MONUMENT TRUE RECORDS OF THE MONGOLS OF THE QING EMPIRE

The author considers the layer of the 17th — early 18th centuries Mongolian place names presented in the written monument *Dayičing ulus-un mongyul-un mayad qauli (True Records of the Mongols of the Qing Empire)*, published in the old-written Mongolian language in six volumes in Hohhot (China) in 2013. The considered monument of written culture contains a colossal amount of information of various kinds and touches upon a wide range of ethnic, cultural, linguistic, political, social, and religious aspects of the life of the Mongols. The study of such works is valuable in that they represent ancient material reflecting the history, peculiarities of language and literary thought, and the mindset of the peoples of the past. The semantic study of the Mongolian place names attested in the studied document indicates that a developed system of geographic terms which has come down to our days, has already been present

in the 17th — early 18th centuries. It was largely motivated by the physical and geographical characteristics of the area. A particular feature of the toponymy of that period is the absence of memorial names that appeared in Mongolia in the first half of the 20th century and reflect the trends of new views on public life. In terms of structure, these toponyms are notable for almost complete absence of verb stems, including iterative and Present-Past participle forms that serve as attributes in the modern Mongolian toponymy. Analyzing the ways of rendering Mongolian complex toponyms in Chinese, the author notes that the use of transcription shows the established character of the toponym, while the use of Manchu geographical terms testifies to its optional character. The system of place names the work contains, holds significant cultural meanings and associations that are characteristic of the national worldview.

Key words: old-written Mongolian language; Chinese language; Qing Empire; Mongols; Manchus; toponym; geographical term; semantics; naming

Acknowledgements

The research was carried out within the State assignment (project *Man's World in Mongolian Languages: Analysis of Expressive Means of Emotional Breadth*, No. 121031000258-9).

- Chimitorzhieva, G. N. (2018). Obzor nekotorykh man'chzhurskikh etnonimov v pamiatnike "Pravdivye zapisi o mongolakh Tsinskoi imperii" [Review of Some Manchu Ethnonyms in the Monument "True Records of the Mongols of the Qing Empire"]. *Kul'tura Tsentral'noi Azii: pis'mennye istochniki*, 11(2), 125–137.
- Dambuev, I. A. (2017). Evoliutsiia kontseptsii toponima v Rossii v XVII–XIX vv. [The Evolution of the Toponym Concept in Russia in the 18th–20th Centuries]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 1, 113–116.
- Nikolaeva, N. N., & Otgontuul, T. (2018). Ornitomorfnaia simvolika v letopisnykh pamiatnikakh mongolov i proizvedenii "Pravdivye zapisi o mongolakh Tsinskoi imperii" (Dayičing ulus-un mongyol-un mayad qauli) [Ornithomorphic Symbolism in the Written Monuments of the Mongols and in "True Records of the Mongols of the Qing Empire"]. *Kul'tura Tsentral'noi Azii: pis'mennye istochniki*, 11(2), 107–124.
- Shulunova, L. V. (1995). *Onomastika Pribaikal'ia* [Onomastics of the Baikal Region]. Ulan-Ude: Buriat. kn. izd-vo.
- Sundueva, E. V. (2020). Sochetaemost' mongol'skikh antroponomimov v pis'mennom pamiatnike "Pravdivye zapisi o mongolakh Tsinskoi imperii" [Cooccurrence of Mongolian Personal Names in the Written Monument "True Records of the Mongols of the Qing Empire"]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. "Iazyk. Literatura. Kul'tura"*, 2, 12–16.
- Sundueva, E. V. (2021). Osobennosti antroponimii v tekste pamiatnika "Pravdivye zapisi o mongolakh Tsinskoi imperii" [Features of Personal Names in the Text of the Monument "True Records of the Mongols of the Qing Empire"]. *Vestnik Buriatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk*, 3(43), 68–73.
- Superanskaya, A. V. (1985). *Chto takoe toponimika?* [What is Toponymics?]. Moscow: Nauka.
- Vasilyev, V. L. (2005). *Arhaicheskaia toponimiiia Novgorodskoi zemli (Drevneslavianskie deantroponimnye obrazovaniia)* [Archaic Toponymy of the Novgorod Land (Old Slavic Deantroponymic Formations)]. Veliky Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State University.

Received on 4 October 2021